

© 1995 г. И.Ш. КОЗИНСКИЙ

ТРИ ЗАМЕТКИ ПО ТИПОЛОГИИ*

(ПАРАМЕТРЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ)**

1. Флективный/агглютинативный.

1.1. Наличие явлений **фузии** на стыках морфем:

- чисто фонетически обусловленной (= агглютинация);
- непредсказуемой чисто фонетически (= флективность; привести пример 2-х фонетически сходных стыков, где будут фонетически разные результаты).

1.2. Наличие (= флективность)/отсутствие (= агглютинативность) фонетически необусловленных изменений корня при выражении того или иного грамматического значения и/или при том или ином грамматическом оформлении (**внутренняя флексия** индоевропейского типа).

1.3. Стандартность (= агглютинативность)/нестандартность (= флективность) грамматических показателей для разных классов корней (при отсутствии фонетической и/или семантической обусловленности выбора альтернативных показателей);

- наличие (флективн.)/отсутствие (агглютинативн.) разных типов склонения/спряжения, не обусловленных фонетически и/или семантически.

1.4. Типичны грамматические показатели, выражающие:

- одно и то же значение (род, число, падеж, лицо, время, наклонение) (=агглютинативн.);
- одновременно более одного значения (из разных грамм. категорий) (= флективн.).

2. Аналитический/синтетический.

2.1. Наличие синтетических словоформ и их функции.

Синтетические словоформы (их противопоставления) используются для:

- 1) межчастеречного словообразования (имени от глагола и т.п.);
- 2) внутривчастеречного словообразования;
- 3) словоизменения имен, не служащего для управления (число, определенность, падежи типа вокатива);
- 4) словоизменения глаголов, прилагательных (редко – существительных, наречий, предлогов), служащего для согласования (формы рода/числа/лица и т.д. прилагательных и глаголов и т.п.);
- 5) словоизменения и/или словообразования глаголов и других предикативов, не обслуживающего согласование (формы вида, времени, наклонения, залога и пр.);
- 6) словоизменения имен, обслуживающего управление (падежи).

Примечание: обычно с и н т е т и ч е с к и м называют язык, в котором хорошо представлен случай (6), независимо от всего остального, в противном случае говорят,

* Три нижеследующие работы И.Ш. Козинского ранее не публиковались. Подготовка текста и примечания В.М. Аллатова и Я.Г. Тестельца.

** Эта небольшая работа, оставшаяся в рукописи без заглавия, датируется началом 1980-х гг. По просьбе группы "Языки мира" Института языкознания И.Ш. Козинский составил перечень параметров, которые могли бы учитываться авторами энциклопедии "Языки мира" при характеристике морфологического типа описываемого языка. Читатель может сам судить, насколько удачно и сжато удалось И.Ш. Козинскому сформулировать наиболее известные критерии морфологических типов.

что язык аналитический (ср. латинский/испанский, русский/болгарский). Если в языке не представлены случаи (3) и (4), то часто его называют и з о л и р у ю щ и м.

2.2. Наличие корнесложений и редупликаций, образующих одно слово.

3. Изолирующий/аморфный (вариант: **основоизолирующий/корнеизолирующий**).

3.1. Роль порядка слов и служебных слов в грамматике.

3.2. Распространенность омонимии типа: знаменательное слово/служебное слово.

3.3. Наличие морфем, употребляемых только в составе сложных образований.

3.4. Наличие среди подобных (3.3) морфем таких, которые синхронно не имеют значений.

4. Инкорпорирующий/неинкорпорирующий.

4.1. Наличие и распространенность финитных глаголов с инкорпорированным прямым дополнением.

4.2. Возможность инкорпорации других членов предложения в глагол (подлежащих, косвенных дополнений, словосочетаний).

4.4. Степень обратимости инкорпоративных и неинкорпоративных вариантов.

4.5. Степень морфонологических изменений основ (корней) при инкорпорации.

5. Полисинтетический/неполисинтетический.

Наличие согласования финитного глагола одновременно с двумя и более членами предложения.

КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ ПОРЯДКОМ АФФИКСОВ ГЛАГОЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ И ПОРЯДКОМ СЛОВ В ЯЗЫКАХ*

§ 148. Наличие связей между синтагматикой морфем в пределах слова и синтагматикой слов в пределах предложения неоднократно отмечалось в типологической литературе. Таковы наблюдения Дж. Гринберга [1] о связи тенденции к суффиксации с порядком слов ПДГ¹, тогда как языки с порядком слов ГПД более склонны к префиксации, о корреляции суффиксации с послелогоми и постпозицией определения, а префиксации с предлогами и препозицией определения и т.д. Можно также показать, что в ряде работ такие связи понимаются чрезмерно прямолинейно и априорно: из внешнего подобия делаются далеко идущие, но не всегда обоснованные выводы. Так, из порядка аффиксов п-Г-д в ряде языков мунда Г.-Ю. Пиннов [2] делает вывод о том, что порядок слов в праунда был ПГД (в современных языках – ПДГ). Аналогичный вывод на том же основании делает Т. Гивон [3] для прасемитского (словопорядок в древнесемитских – ГПД). У.П. Леманн [4] утверждает, что сложные слова, образованные по модели Г + Д возможны только в языках, где Г и Д расположены контактно и Г предшествует Д, то есть в языках с порядком слов ПГД, но не ПДГ и ГПД, а компаунды по модели Д + Г в индоевропейских языках (санскр. *madhu-pa* "медовый напиток", лат. *bene-facere*, *male-dicere* и т.п.) свидетельствуют о наличии в праиндоевропейском порядке слов ПДГ, но не ПГД.

Эти и другие подобные утверждения апеллируют исключительно к внешнему сходству и "здравому смыслу". Между тем, эмпирическая проверка показывает, что порядок аффиксов спряжения п-Г-д крайне нетипичен для языков с порядком слов ПГД, порядок инкорпорированного дополнения в словоформе глагола вида Д + Г столь же типичен для языков с порядком слов ПГД, как и ПДГ; напротив, инкорпорация вида Г + Д как раз специфична для языков с порядком слов ГПД. Это лишний раз свидетельствует о верности тезиса, выдвинутого в начале данной работы (§ 3): любые, даже кажущиеся самоочевидными, лингвистические обобщения должны подвергаться эмпирической проверке и статистической оценке; без этого никакие апелляции к "естественности" таких обобщений не доказывают их истинности.

* Это – отрывок из диссертации И.Ш. Козинского, ярко демонстрирующий особенности его метода и, вероятно, лучшая работа на эту тему в типологической литературе.

¹ П – подлежащее, Д – прямое дополнение, Г – глагол-сказуемое (прим. ред.).

§ 149. Рассмотрим две следующие универсалии:

Ун-ия 87

Если в двухличной парадигме существуют формы, префиксально согласующиеся с дополнением (д-Г), то в ней есть (эти же или другие) формы, префиксально согласующиеся с подлежащим (п-Г).

Исключения: туника, даргинский, табасаранский, бурушаски, аюана, усаруфа, гадсуп, ава, кате, уманакайна, тонкава, бацбийский.

Ун-ия 88

Если в двухличной парадигме есть формы, префиксально согласующиеся с подлежащим (п-Г), то в этой парадигме есть (эти же или другие) формы, префиксально согласующиеся с дополнением (д-Г).

Исключения: каювава, отоми, цоцил, ихил, нанди, сук, луо, бугийский, барез, ненема, нигумак, аккадский, арабский, иврит, самаритянский, гезз, берберский, чимшиан, паренги, сора, жуанг.

Такое необычно большое число исключений не случайно, так как я специально выбирал для обеих универсалий формулировки с максимальным числом исключений. Тем не менее обе универсалии имеют высокую надежность (см. §§ 8–11). Легко видеть, что к ун-ии 87 исключениями являются языки, имеющие формы двухличного спряжения вида д-Г-п, но не имеющие форм вида п-Г-д. Исключения к ун-ии 88 имеют, напротив, формы п-Г-д, но не формы д-Г-п. На таком большом числе исключений нахождение возмущающего фактора не представляет трудностей. Действительно, все исключения к ун-ии 87, кроме языка тонкава, имеют порядок слов ПДГ. Из 22 исключений к ун-ии 88 в 17 языках имеется порядок слов ГПД или ГДП.

Отсюда следующие универсалии:

Ун-ия 89

Если в двухличной парадигме есть формы вида п-Г-д, но нет форм вида д-Г-п, то в данном языке доминирует порядок слов с начальной позицией глагола (ГПД или ГДП).

Исключения: аккадский, луо, сора, паренги, жуанг.

Из языков-исключений луо имеет порядок ПГД, прочие – порядок ПДГ. Подробнее эти языки-исключения рассматриваются в [5].

Ун-ия 90

Если в двухличной парадигме есть формы вида д-Г-п, но отсутствуют формы вида п-Г-д, то в данном языке доминирует порядок слов с конечной позицией глагола в предложении (ПДГ).

Исключение: тонкава (порядок ПГД).

§ 150. Две других закономерности близки к ун-ям 89 и 90, но не идентичны им и заслуживают самостоятельной формулировки.

Ун-ия 91

Если в двухличной парадигме имеется хотя бы одна форма глагола, префиксально согласующаяся с дополнением (т.е. хотя бы одна форма д-Г), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (доминирует порядок слов ПДГ или ПГД).

Исключения: масаи, теусо, науатл, агуакатек, чинук, волио, фокс, кер д'ален.

Корреляция значима (вероятность ошибки менее 0,01, ожидаемое число исключений – 16), несмотря на большое число исключений. Все перечисленные языки имеют в двухличной парадигме формы вида п-д-Г. Не исключено, что наличие таких форм и является возмущающим фактором (вероятность ошибки – чуть больше 0,01).

Ун-ия 92

Если в двухличной парадигме согласование с дополнением – только префиксальное (т.е. единственно возможными являются формы д-Г), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (порядок слов ПДГ или ПГД).

Исключения: масаи, теусо, науатл, агуакатек, чинук.

Очевидно, что эта универсалия – частный случай ун-ии 91, но надежность ее существенно выше (ожидаемое число исключений – 20).

§ 151. Ун-ия 93

Если в двухличной парадигме согласование с подлежащим – только суффиксальное (формы Г-п – единственно возможные), то в таком языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу (порядок слов ПДГ или ПГД).

Исключения: сквамиш, шусвап, килеут, кус, суислав, квакиутл, сапотек (ожидаемое число исключений – 16).

Во всех языках-исключениях единственно возможными формами в двухличной парадигме являются формы Г-п-д. С вероятностью ошибки менее 0,01 это и является возмущающим фактором, а именно

Ун-ия 94

Если доминирует порядок слов ГП и в двухличной парадигме согласование с подлежащим – только суффиксальное, то согласование с прямым дополнением также только суффиксальное.

§ 152. Интересно, что все приведенные универсалии устанавливают корреляции между характером спряжения и позицией подлежащего в предложении и только универсалии 89 и 90 говорят еще и о позиции самостоятельного дополнения. Прочие возможные связи между порядком аффиксов субъектно-объектного спряжения и порядком слов в предложении оказались статистически незначимыми.

Интересно также своеобразное "зеркально симметричное" влияние различных конструкций спряжения на порядок слов. Конструкция п-Г-д обуславливает начальную позицию глагола в предложении, конструкция д-Г-п – конечную позицию глагола. В тех 16-ти языках, где сосуществуют обе эти конструкции, наблюдаются различные порядки слов, причем их распределение близко к среднестатистическому: то есть конструкции п-Г-д и д-Г-п как бы взаимно нейтрализуют свое действие на порядок слов. Ср. также симметричность возможных возмущающих факторов для универсалий 87 и 88, 91 и 93. Случай, когда для различных грамматических противопоставлений наблюдаются зеркально симметричные зависимости (т.е. соответствующие универсалии различаются лишь направлением стрелки импликации), довольно часты. {...}

§ 153. В заключение, рассмотрим универсалии, связанные с инкорпорацией. Здесь и далее под инкорпорацией понимается регулярное включение в финитную глагольную словоформу корня или основы имени, причем инкорпорирующим считается только такой язык, где существует возможность трансформации предложения типа: предложение с инкорпорированным в глагол именем – предложение с тем же именем, выступающим как самостоятельный член предложения. Требование регулярности означает, что окказиональные образования типа русск. *плодоносить*, *благодарить*, *рукоплескать* не рассматриваются и русский язык инкорпорирующим не считается. Требование финитности глагола означает, что инкорпорацией не считаются такие образования, как русск. *водонос*, *полотер*, *чистотел* и т.п. Во многих языках, где в глагол включаются корни именного происхождения, возможность трансформации предложения так, чтобы превратить включенный в глагол корень в самостоятельный член предложения, отсутствует. В этом случае скорее нужно говорить не об инкорпорации, а о наличии в составе глагола деривационных элементов, исторически восходящих к именам.

Наиболее обычной является инкорпорация прямого дополнения, типа русск. *плодоносить*. Очень часто встречается также инкорпорация косвенных дополнений и обстоятельств типа русск. *руководить*, *благовестить*. Инкорпорация подлежащего встретилась только в языках онондага, таос, сора и чукотском. Во всех этих языках инкорпорируется и прямое дополнение. Отсюда универсалия:

Ун-ия 95

Если в языке существует инкорпорация подлежащего, то в нем существует и инкорпорация прямого дополнения.

§154. Представляет интерес и расположение инкорпорированного члена в глагольной словоформе. Оказывается, что расположение инкорпорированного члена перед или после корня самого глагола тесно связано с доминирующим порядком слов. При порядке ПДГ инкорпорированное прямое дополнение предшествует глагольному корню, так же как и самостоятельное дополнение: донгола, яте, валапай, таос, чероки и др. При доминировании порядка ПГД инкорпорированное дополнение, в отличие от самостоятельного, также стоит перед глагольным корнем: чукотский, тиви, гуарани, онондага и др. При доминировании порядка ГПД или ГДП инкорпорированное дополнение стоит после глагольного корня: волио, квакиутл, цимшиан, фокс, салишский и др. Таким образом, позиция инкорпорированного дополнения зависит от доминирующей позиции самостоятельного подлежащего. Отсюда универсалии:

Ун-ия 96

Если инкорпорированное прямое дополнение предшествует глагольному корню, то в данном языке самостоятельное подлежащее предшествует глаголу-сказуемому.

Ун-ия 97

Если инкорпорированное прямое дополнение следует за глагольным корнем, то в данном языке самостоятельное подлежащее следует за глаголом.

Исключения: сора, паренги, гта, оджибве, и, возможно, некоторые другие алгонкинские.

Порядок слов во всех языках мунда, к которым принадлежат сора, паренги и гта – ПДГ. Порядок слов в алгонкинских не одинаков. В одних из них этот порядок – ГПД (фокс), в других ПГД, но порядок ГПД является одним из альтернативных и достаточно частых во всех алгонкинских. Поэтому можно предположить, что положительная инкорпорация в алгонкинских – морфологический архаизм и в прошлом порядок слов во всех алгонкинских характеризовался начальной позицией сказуемого. Что касается языков мунда, то поскольку ряд из них (в том числе паренги и сора) имеет еще одну морфологическую черту, гармонирующую только с начальной позицией глагола в предложении (порядок аффиксов спряжения п-Г-д – см. универсалию 89), можно предположить, что в древности они также имели порядок слов ГПД или ГДП (см. подробнее об этом [5]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Гринберг Дж* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970[1961].
- 2 *Pinnow H* – I The verb in Munda languages // Studies in comparative Austroasiatic Linguistics, London, 1966
- 3 *Givón T* Topic, pronoun and grammatical agreement // Subject and topic / Ed. by Li. Ch. New York, 1976
- 4 *Lehmann W P* A discussion of compound and word order // Word order and word order change / Ed by Li Ch Austin (Tex) 1975
- 5 *Козинский И Ш* К вопросу о реконструкции порядка слов в предложении австроазиатского праязыка // Тезисы докладов I Международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языкознания". Ч. I М. 1977.

ОПЫТ УНИВЕРСАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИССЛЕДУЕМЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ*

§ 38. Исходя из презумпции адекватности используемых грамматических описаний, для построения универсального конкретного определения членов предложения необходимо, очевидно, обнаружить те критерии, которые используются авторами грам-

* Ниже публикуется (с небольшими сокращениями) отрывок из диссертации И.Ш. Козинского, наиболее важный для понимания его взглядов на природу универсальных грамматических понятий.

матик, составленных в рамках господствующей традиции, при идентификации этих членов в конкретных языках (критерии имплицитные или эксплицитные). Для этого небесполезно проанализировать общую стратегию терминологического отождествления категорий разных языков. Почему, например, некоторый согласовательный класс называется "женским родом" в русском, арабском, тиви, тонкава и многих других языках, несмотря на то, что формы выражения данной категории материально различны, а произвольно взятое имя женского рода одного языка совсем не обязательно будет принадлежать к тому же роду в другом языке?

§ 39. Подлинно универсальным определением "женского рода" может быть только **понятийное** (например: "слово женского рода обозначает существо женского пола"). Но тогда вряд ли найдется хотя бы один язык, в котором такое определение оказалось бы адекватным. Наиболее адекватными для каждого конкретного языка являются чисто **формальные** определения (например: "Слово женского рода – слово, заменяемое местоимением *она*"). Действительно, русские *стул* и *скамья* различаются чем угодно, но только не полом. Но тогда, если быть последовательным, необходимо признать, что совпадение названий согласовательных классов разных языков является чисто случайным или произвольным.

Тем не менее, по остроумному замечанию Дж. Гринберга, если формальным определением такие слова, как *мальчик*, *камень*, *нос* будут в некотором языке признаны глаголами, а слова *есть*, *пить*, *давать* – существительными, то такое определение будет тотчас же отвергнуто [1]. Точно так же, описание русского языка, в котором род слов типа *скамья* был бы назван "мужским", выглядело бы, мягко говоря, несколько необычно.

Похоже, все-таки, что грамматисты при терминологическом отождествлении формально определенных категорий разных языков опираются на какие-то объективные критерии, которые могут быть только семантическими. А из этого следует, что даже самые "формальные" грамматические категории имеют какую-то понятийную мотивацию (ср. [1–3]).

§ 40. Но тогда возникает вопрос, как согласовать это с тем очевидным фактом, что нет никаких понятийных оснований для того, чтобы усматривать в понятии *скамья* нечто женское, а в понятии *стул* – нечто мужское. Выход из этой антиномии лежит, как кажется, в признании у каждой грамматической категории **центральных и периферийных кругов** [4]; я далее для краткости буду говорить о **ядре и периферии**).

Ядро категории – это такая подсистема, где наблюдается четкая статистическая корреляция между формальными и некоторыми понятийными признаками. На **периферии** категории, по мере удаления от ядра, корреляция эта становится все менее отчетливой. Формальные признаки при этом полностью сохраняются, но их понятийные корреляты начинают заменяться другими, могут перепутываться самым причудливым образом или вообще исчезать.

Ядро категории может быть выделено в каждом языке по одним и тем же понятийным признакам. Так, ядром категорий женского и мужского рода в любом языке является подсистема названий людей (термины родства и традиционная социально-возрастная номенклатура) соответственно женского и мужского пола. Для среднего рода ядром будет подсистема названий заведомо бесполой предметов и абстрактных понятий. В русском и латинском будут обнаружены формальные корреляты для всех трех подсистем (например, местоимения *он*, *она*, *оно*). Во французском или тиви формальные корреляты найдутся только для первых двух подсистем, и следовательно там нет среднего рода. После нахождения формальных коррелятов понятийных признаков соответствующим категориям может быть дано чисто формальное определение, специфичное для данного конкретного языка. Сравнимость одноименных категорий в разных языках обеспечивается наличием в каждом языке одной и той же статистической корреляции между формальными и понятийными

признаками в одинаково выделенном ядре категории. Тактика грамматиста примерно такова:

1. Выделить ядерные подсистемы.
2. Отыскать в них формальные признаки, наилучшим образом коррелирующие с заданными понятийными различиями.
3. Присвоить формальным классам (если таковые обнаруживаются) названия, соответствующие их понятийной мотивации.
4. Объявить эти названия справедливыми для каждого случая присутствия выделенных формальных признаков, независимо от наличия и характера их понятийных коррелятов.

§ 41. На периферии категории по мере удаления от ядра все чаще можно наблюдать метафорический перенос на выделенные формальные признаки совершенно других значений, категория может "догружаться" дополнительными функциями и, наконец, полностью десемантизироваться.

Так, в индоевропейских и семитских языках наблюдается определенная тенденция соотносить названия больших и/или социально важных объектов скорее с мужским, чем с женским родом, а в языке тиви (Австралия) – наоборот. Названия половых органов в русском (и, – при персонификациях, – в английском) имеют род, соответствующий полу обладателя, а в тиви и испанском – противоположный полу обладателя. Степень корреляции формальных и понятийных признаков на периферии категории в одних языках выше, чем в других (ср. русский, где названия бесполовых объектов довольно часто относятся к мужскому или женскому родам, и английский, где, за редкими исключениями типа *ship*, все они – среднего рода). Практика грамматических описаний, несмотря на эти различия, терминологически отождествляет категории разных языков, и происходит это именно потому, что в ядре категории статистическая корреляция между специфическими для каждого языка формальными и универсальными понятийными признаками одна и та же для любого языка. Противопоставление *стул/скамья* идентифицируется как противопоставление мужского/женского родов не по семантическим критериям, а просто потому, что для этих слов характерны те же формальные свойства, что и для "ядерных" слов типа *муж/жена*.

§ 42. Из этого видно, что для построения универсального конкретного определения членов предложения (ЧП) необходимо найти универсальную процедуру выделения ядерных подсистем и некоторый, единый для каждого из этих ЧП и притом **единственный** понятийный признак, для которого будет определяться корреляция с формальными признаками. Очевидно, что для этого необходимо проанализировать практику формального определения ЧП в господствующей грамматической традиции.

Начнем с формальных признаков. Наиболее четкими и однозначными из таких признаков являются непосредственно наблюдаемые изменения форм слова (аффиксация, флексия корня, изменения тона или ударения) и наличие при нем разнообразных служебных и полуслужебных слов (предлоги, послелоги и т.п.). Такие признаки (назовем их **грамматическим оформлением**) будут считаться формальными признаками *par excellence*.

В тех случаях, когда грамматическое оформление само по себе не дает однозначного решения, для идентификации ЧП можно применять дополнительные признаки, в первую очередь грамматическое оформление сказуемого предложения, т.е. характер его согласования (если таковое имеется) с тем или иным актантом. Кроме того, в качестве дополнительных формальных признаков в случаях, когда грамматического оформления актантов и согласования недостаточно, можно использовать порядок слов и синтаксические свойства актантов.

Из сравнения грамматических описаний видно, что формальные признаки одного и того же члена предложения могут изменяться в одном и том же языке. Такие изменения наблюдаются в следующих случаях:

1. При изменении видо-временной или модальной формы глагола, например, русск. *я пью водку – я не пью водки.*

2. При изменении лексико-грамматического подкласса глагола: изменение оформления подлежащего при непереходных и переходных глаголах в эргативных языках и такие же изменения при глаголах действия и состояния в активных языках (сходные изменения при аффективных глаголах здесь не учитываются).

3. При изменении лексико-грамматического подкласса слова, которым выражен соответствующий член предложения.

Третий случай – самый простой, так как подобные изменения в грамматиках рассматриваются, как правило, в качестве алловариантов одного грамматического оформления. Первый и второй случаи так обычно не рассматриваются, поэтому определение должно рассматривать каждую из основных видо-временных и модальных форм и каждый лексико-грамматический подкласс глаголов отдельно, чтобы для каждого случая выделить адекватные формальные признаки членов предложения. Следовательно, необходимым правило выделения не одной, а нескольких "ядерных" подсистем, на которых эти члены будут опознаваться.

§ 43. Мнение о том, что подлежащее (грамматический субъект) и тема (логический субъект) в наиболее фундаментальных и частотных структурных типах предложений данного языка чаще совпадают, чем не совпадают, неоднократно высказывалась в работах по общему языкознанию (см., например [5–8]). "Подлежащее это главным образом грамматикализованная тема" [9]. Естественно, что главным признаком подлежащего при его определении может быть признана положительная корреляция между ним и темой в подсистемах "ядерных" предложений. С другой стороны, подлежащие при разных лексико-грамматических подклассах глаголов можно различить по дополнительному признаку семантической роли этих подлежащих в "ядерных" типах предложений. Так, подлежащее переходного глагола как действительного, так и страдательного залога обнаруживает положительную корреляцию с темой, но эти две **категориальные формы** единой категории **подлежащего** различаются по своей семантической роли (опять-таки в "ядерных" типах предложений). Дополнения отличаются от подлежащих тем, что реже, чем последние, совпадают с темой, а различные разновидности дополнений отличаются по своим типичным семантическим ролям. Так, семантическая роль "объект, который создается или уничтожается в результате обозначаемого глаголом действия (*печь хлеб, разбить стакан* и т.п.)" достаточно типична для прямого дополнения, но нетипична ни для одного из косвенных дополнений.

Таким образом, процедура выделения "ядерных" типов предложений должна быть разработана так, чтобы в число ядерных включались только те типы, где указанные корреляции семантических ролей с коммуникативным статусом наиболее четкие. Эта задача облегчается тем, что совпадение или несовпадение темы (т.е. определенного коммуникативного статуса) и подлежащего (т.е. определенного грамматического оформления) во многом зависит от семантического подкласса глагола (см. [10]). В то же время от семантики глагола зависят и семантические роли его актантов. Это означает, что проанализировав употребление терминов в грамматических описаниях, выполненных в рамках господствующей грамматической традиции, можно обнаружить те семантические подклассы глаголов, при которых определенные сочетания семантической роли и коммуникативного статуса актантов наиболее однозначно коррелируют с их обозначениями как тех или иных членов предложения.

§ 44. Такие корреляции представлены ниже в универсалиях 1–8. Следует отметить, что эти "универсалии" (за возможным исключением ун-ии 8) являются обобщениями несколько иного плана, чем все остальные, поскольку они описывают не сходства и закономерности в структурах самих языков, а сходства в терминопотреблении их грамматических описаний (а это, строго говоря, не одно и то же). В контексте данной работы эти "универсалии" следует рассматривать скорее как набор постулатов, на основе которых строится предлагаемое в ней универсальное определение членов предложения.

Ун-ия 1. Все или подавляющее большинство глаголов некоторого языка с общим значением "создавать" или "уничтожать" по своим формально-грамматическим свойствам являются переходными глаголами.

Ун-ия 2. Если в языке нет залоговых противопоставлений, то его грамматическое описание признает **подлежащим** предложений с такими глаголами имя, имеющее семантическую роль **агенса** (того, кто создает или уничтожает), а **прямым дополнением** – имя с семантической ролью **пациенса** (того, что создается или уничтожается).

Ун-ия 3. Если в языке есть противопоставление действительного и страдательного залогов, то в страдательном залоге подлежащим считается имя **пациенса** при тех же глаголах; синтаксическое членение действительного залога аналогично описанному в ун-ии 2.

Ун-ия 4. При наличии в языке противопоставления непереходных глаголов действия и непереходных глаголов состояния все или подавляющее большинство глаголов со значением "передвигаться тем или иным способом" по своим формально-грамматическим свойствам относятся к глаголам действия.

Ун-ия 5. Подлежащим предложений с этими глаголами в большинстве случаев является имя с семантической ролью **перегринатора** (того, кто передвигается).

Ун-ия 6. Подлежащим предложений со значением "некоторый объект принадлежит к некоторому множеству объектов" (типа *Сократ – грек*) в большинстве случаев является имя объекта, включаемого во множество.

Ун-ия 7. Не существует отличий в грамматическом оформлении подлежащих предложений типа, указанного в ун-ии 6, и подлежащих при глаголах, которые в данном языке по своей семантике и/или грамматическим свойствам относятся к непереходным глаголам состояния.

Ун-ия 8. Во всех типах предложений, перечисленных в ун-иях 1–7, если их актуальное членение не предсказывается однозначно из контекста и в них отсутствуют средства, указывающие на эмфатически-экспрессивное подчеркивание отдельных актантов, тема предложения существенно чаще совпадает с его подлежащим, чем с любым другим членом предложения.

Нелишне отметить, что в лингвистической литературе уже высказывались положения, содержательно близкие к некоторым из вышеприведенных обобщений. См., в частности, [11] к ун-ии 2, [8] к ун-ии 4 {...}.

Собственно говоря, из этих обобщений читатель может получить вполне адекватное представление о принципах и характере возможного универсального определения членов предложения {...}. Предлагаемому определению придан операциональный вид, т.е. это система предписаний по анализу текстов на исследуемом языке, в результате которого лингвист получает набор эталонных предложений с задаваемым по определению взаимно-однозначным соотношением семантического, актуального и синтаксического членений. На этих предложениях определяются свойственные интересующим исследователя категориям формальные признаки, специфичные для данного языка. По этим признакам эти категории могут быть опознаны затем в любых других предложениях, независимо от их конкретной семантики, семантических ролей актантов и актуального членения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970 [1961]. С. 115–116.
2. Hjelmslev L. Principes de grammaire générale. København. 1928.
3. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978 [1972]. С. 300–305, 336–339.

4. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 144–150.
5. Halliday M.A. Notes on transitivity and theme in English // *Journal of linguistics*, 1967, V. 3, N 1–2. 1968, V. 4, N 2.
6. Панфилов В.З. Языковые универсалии и типология предложения // ВЯ, 1974, № 5.
7. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975 [1971]. С. 241–254.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 194.
9. Li C.N., Thompson S.A. Subject and topic: a new typology of language // *Subject and topic* / Ed. by Li. C.N. N.-Y., 1976. P. 484.
10. Яхонтов С.Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // *Проблемы теории грамматического залога* / Под ред. Храковского В.С. Л., 1978.
11. Comrie B. Ergativity // *Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language* / Ed. by Lehmann. W.P. Austin – London, 1978.